

Лафонтен Август Генрих Юлиус

**Природа и любовь, или
Картина человеческого
сердца**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А18

А18 **Август Генрих Юлиус Л.**
Природа и любовь, или Картина человеческого сердца / Лафонтен Август
Генрих Юлиус – М.: Книга по Требованию, 2025. – 251 с.

ISBN 978-5-519-92574-7

ISBN 978-5-519-92574-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРИРОДА и ЛЮБОВЬ

Виллѣамъ возвратился въ Лондонъ. Время его раздѣлено было на чтеніе, на письма къ Фанни и на изученіе Исторіи. Онъ смѣялся надъ глупостями свѣта, не представляя болѣе роли *чудаха*. Гильнеповы знакомые говорили: вотъ какъ Лондонъ образуетъ людей! Молодой человѣкъ былъ прежде грубой камень; пусть поживетъ онъ здѣсь еще годъ, и этотъ камень превратится въ брилліантъ!

Такимъ образомъ прошло шесть мѣсяцовъ. Тутъ отецъ его предпринялъ еще путешествіе по Англіи и Шотландіи, продолжавшееся около двухъ мѣсяцовъ; послѣ чего прибыли они наконецъ въ исходъ осени въ Гильнепузъ. Виллѣамъ поспѣшъ бросился на лошадь и пустился къ Фанни. Фанни видѣла, какъ онъ со-

скочилъ съ лошади, и не узнала его; онъ взбѣжалъ на крыльцо, — она все не могла узнать его; онъ отворилъ дверь въ комнату, бросился къ Фанни, — она все еще не узнала его и смотрѣла на него съ удивленіемъ. „Любезная Фанни!“ воскликнулъ онъ. — Боже мой! Виллѣямъ! — закричала она, и бросилась къ нему въ объятія.

— Ахъ! какъ ты перемѣнился, Виллѣямъ! — сказала она, и ошвела его рукою отъ себя, чтобы осмощрѣть его лучше; потомъ опять прижалась къ нему, повторяя: — любезный мой Виллѣямъ! — Виллѣямъ обратился потомъ къ Фанниннымъ родителямъ, и съ ласковымъ видомъ подавъ дядѣ свою руку. Дядя хотѣлъ сказать что-то забавное, но остановился на половинѣ; ибо Виллѣямъ не сводилъ съ него глазъ.

„Чертъ меня возьми!“ сказалъ дядя: „онъ имѣетъ такой проклятой, величественной видъ, что все мое остроуміе отъ шого нигуда него-

дился.“ Фанни любила Виллѣама; теперь спала его обожать; она безпрестанно смотрѣла ему въ глаза; пристально разсматривала его губы, когда онъ говорилъ, а потому и не слышала его словъ. Но когда онъ на нее взглядывалъ, то глаза ея невольнымъ образомъ пошуплялись. Она находила сноропоспѣшную перемѣну въ своемъ сердцѣ; не могла уже говорить съ нимъ по прежнему съ разсѣянною довѣренностью, и чувствовала его преимущество. Хотѣла изрядно пожуричь его за Марію; хотѣла по крайней мѣрѣ часа на два разсердиться на него, чтобы онъ общался навсегда забыть Марію; но не имѣла твердости даже и назвать эту дѣвушку. Если Виллѣамъ цѣловалъ у нее руку, то она поспавляла это себѣ за честь, и осматривалась, дабы примѣшнать, видятъ ли то другіе. Когда компанія собралась болѣе, то она сравнивала его со всѣми молодыми мужчинами, и поржествующіе взоры ея

говорили: онъ прекраснѣе, онъ благороднѣе всѣхъ мужчинъ!

На другой день возобновили они между собою прежнюю довѣренность, но только помѣнялись ролями: Виллѣамъ управлялъ теперь Фанни, такъ какъ она прежде имъ управляла. Зашла рѣчь о Маріи; Виллѣамъ превозносилъ ее до чрезмѣрности, и хощя похвалу сія перзала сердце бѣдной Фанни, однакожъ она не смѣла сказать ничего прошивъ эшаго — она только отворотилась и скрыла слезы, наворачувшіяся у нее на глазахъ.

Виллѣамъ показалъ ей даже письмо отъ Маріи, написанное прекрасно; и сіе письмо пронзило сердце бѣдной дѣвушки. Она видѣла въ немъ самыя жарвія увѣренія въ вѣчной дружбѣ, и такой опкровенной любви съ Виллѣамомъ, что ея глаза отъ того помутились. Она вышла и плакала цѣлой часъ, погружаясь въ горестныя размышленія.

Наконецъ Лордъ Гильнетъ увезъ Виллѣама отъ фамиліи Джонсонъ. Когда говорили о сочешаніи сихъ молодыхъ людей, то Лордъ Гильнетъ и самъ былъ такого мнѣнія, что уже безъ всякой опасности можно было о томъ думать; только надобно было оставить нѣсколько времени для молодыхъ людей, чтобы они узнали другъ друга короче.

Я люблю Фанни, какъ самаго себя, говорилъ Виллѣамъ, и надѣюсь ее осчастливить! — Больше всего на свѣтѣ я люблю Виллѣама! говорила Фанни, и буду счастлива съ нимъ даже въ самой крайней бѣдности! — Лордъ Гильнетъ улыбался; а Виллѣамъ, положивъ свою руку на Фаннино сердце, сказалъ: „Если это сердце чувствуетъ хотя половину того, что говоритъ этотъ языкъ, — то я буду счастливъ! Будь добра, Фанни! будь только добра, если хочешь сдержанъ свое слово!“

Виллѣамъ отправился съ опцомъ своимъ, и Фанни должна была опять проспитъ съ нимъ на мѣсяцъ; ибо Лордъ Гильнетъ хотѣлъ побывать съ Виллѣамомъ въ рудопромышленныхъ заводахъ.

Фанни считала всякой день въ печеніи сихъ чепырехъ недѣль; помню билось сердце ея, въ ожиданіи той счастливой минуш, которая должна была соединить ее съ Виллѣамомъ; она получила отъ своего дяди новое имя: *племянница-мечтательница*: ибо бѣдная сія дѣвица мечтала безпрестанно, гдѣ ни находилась; отвѣчала неясно на всѣ вопросы, ей дѣлаемые; пристально смотрѣла въ глаза своему дядѣ, улыбалась, и не отвѣчала ни слова. — Въ сихъ мечпаніяхъ занимала мѣсто и Марія, и припомъ всегда въ главной ролѣ. Фанни представляла ее совмѣстницею, которой сѣвши, разсѣянные ею Виллѣаму, скоро разорвались отъ ея прелестей. Въ семъ случаѣ послѣдствіе для Ма-

рїи всегда было очень невыгодно. Виллїамъ оставлялъ ее, чтобы въ объятїяхъ Фанни насладиться неизбѣснымъ счастьемъ.

Сїя мечтательность возбудила въ Фанни любопытство посмотришь Марїю, — любопытство, которое возросло до того, что она ни о чемъ уже болѣе не думала. Въ одно утро отправилась она въ ту деревню, гдѣ жила фамилїя Сщикъ. Прїѣхавъ туда, выдумала она предлогъ, дабы тѣмъ приличнѣе можно ей было идти къ нимъ. Она отворила дверь въ комнату, и увидѣла молодую женщину, которая, сидя за столомъ, писала: это была Марїя. Марїя встала, съ благороднымъ видомъ подошла къ Фанни, и приняла ее очень учтиво и скромно. — Марїя превзошла еще ожиданїе Фаннино. Въ скромномъ нарядѣ, сдѣланномъ со вкусомъ, прелестна какъ Грація, стояла она предъ Фанни, которая забыла совершенно свою роль. Желанїе унижить Марїю явилось

у Фанни на лицѣ, и она ожесточилась еще болѣе тѣмъ, что скромная благоприспособленность Маріина лишила ее бодрости обнаруживъ на словахъ сіе желаніе.

„Вы живете очень хорошо, Мисъ Маріа!“ сказала наконецъ Фанни бѣжимъ тономъ.

— Саръ Гильнетъ дружески спрашивается о моихъ выгодахъ. Онъ называетъ меня своею пріятельницею. . . . —

„Право?“ сказала Фанни очень холодно.

— И мнѣ кажется, я заслуживаю отъ него такое названіе. —

„Для чего же и не стану — вы довольно прекрасны!“

— Прекрасна? — Я думаю, Саръ Гильнетъ не столько это уважаетъ, чѣмъ одну маску удостоивъ своею дружбы. —

Такъ разговаривали между собою сѣи двѣ дѣвушки, низко присѣдали одна передъ другою, и ихъ щеки пылали. Фанни почувствовала, что

завѣстіе о семъ разговорѣ произвело бы въ Вилліамѣ не очень пріятное впечатлѣніе, и такъ она отвѣла разговорѣ на другую матерію, и укрѣпилась, такъ что Марія была очень довольна Мисъ Фанни, и онѣ расстались — какъ добрыя пріятельницы.

Но на возвращномъ пути безпокойное Фанніино воображеніе посѣяло безчисленное терніе въ ея сердце. Прислонившись къ боку паренны, сама она придумывала мысли, которыя терзали ея сердце. Она объявила Маріи, что будетъ Вилліамовою супругою. Марія улыбнулась, и колкимъ тономъ отвѣчала: *въ самомъ дѣлѣ?* — Передъ самымъ почти ея отбѣздомъ Марія сказала: Если бы мнѣ удалось еще хотя одинъ разъ поговорить съ Вилліамомъ до его свадьбы! Изъ сихъ малостей Фанни составила для себя самую чудесную картину:

Она улыбалась, когда я сказала, что Вилліамъ на мнѣ женился; на-

жестя, она хотѣла сказать: это еще не извѣстно; а увѣрившись въ этомъ, хотѣла она еще разъ до нашей свадьбы поговорить съ нимъ! Для чего? для чего именно до нашей свадьбы? О! безъ сомнѣнiя эта совмѣстница хочеть поколебать его!

Правда, Марiя улыбнулась, и отвѣчала только: *въ самомъ дѣлѣ?* но совершенно безъ всякой подкоспи, а отъ сердечной радости. Она была увѣрена, что Виллiамъ ее любитъ. Марiя таяже была дѣвушка, какъ и Фанни. Если онъ говорилъ ей: *Фанни будетъ моею женою!* то она не знала, что о томъ думать; попомъ опять приводила себя на мысль: *онъ меня любилъ!* ибо она видѣла восхищенiе, съ которымъ онъ заключалъ ее въ свои объятiя; чувствовала, какъ жарки были его поцѣлуи. Любовь его почитала она себя за честь; но странное *нѣчто* дѣлало ее холодною къ нему. Сколько она ни старалась испытывать себя, но всегда выходило наконецъ это странное